ХЕМИНГУЭЙ: "...В НЕОПЛАТНОМ ДОЛГУ ПЕРЕД КРАСНОЙ АРМИЕЙ"

С. ВИШНЕВСКАЯ

Лилиан Хеллман и С. М. Эйзенштейн. Телеграмма Чарли Чаплина Г. В. Александрову: «До глубины души потрясен и беспредельно восхищен героической борьбой Вашего народа против общего врага». Марлен Дитрих на празднике, посвященном освобождению Парижа.

Зимним днем 1944 года двухмоторный бомбардировщик С-43, развивающий скорость 240 миль в час, вылетел из Фэрбенкса на Аляске и взял курс на Москву. Помимо груза и экипажа, на борту находилась американка Лилиан Хеллман и русский парнек Коля. Так для известной писательницы началась культурная миссия в СССР.

Они летели над заснеженной Сибирью, примостившись на ящиках в хвосте самолета, по очереди грелись в кабине пилота (тогда место на ящиках занимал радист): отопление отказало на второй день. Они приземлялись в насквозь промороженных сибирских аэропортах, сидели у печурок. Коля, сумевший убедить начальство в своем знании английского, на самом деле говорил лишь «О'кэй», «Дьявол» и что-то вроде «Присядьте». И в ожидании летной погоды гостья и ее эскорт занимались языками... по 4 часа в день. «Его круглое, ясное детское лицо, руки, дрожащие от холода, когда он листал мой словарь, все еще со мной», — читаем мы в книге воспоминаний писательницы.

Бродили по Якутску, трещавшему от 50-градусного мороза, обедали у местной учительницы, до трех ночи слушали ее чтение и переводы Есенина. Снова летели над Сибирью, только теперь писательница уже не сидела на ящиках, она лежала, привязанная к ним веревками, обливаясь потом и горя в жару — в ней бушевала пневмония. Время от времени радист на руках носил ее в теплую кабину, и тогда она скорее подсознанием видела в иллюминатор бесконечную тайгу, щетинившую внизу далекую землю...

Забытье. И голос Коли: «Урал, смотрите вниз». И через вечность: «Все хорошо. Скоро Москва. Может, через час». Затем он бумажными салфетками вытирал ее мокрое воспаленное лицо, неловко красил губы помадой, стирал и опять красил. Достал платье из чемодана, откуда-то из своего багажа раздобыл немыслимые чулки (без мамс в подарок):

— Переоденьтесь. Нехорошо в брюках. Должны выглядеть. Наденьте наше платье. Чулки не подходят, я знаю. Других не нашел.

Говорил, провожая к кабине пилота:

— Пожалуйста, подберитесь. Это для людей.

— Коля, я бы хотела, чтобы ты родился у меня.

— Я скажу это своей матери, — рассмеялся он.

Через час бомбардировщик был в Москве. К самолету бежали люди с цветами. Но в памяти осталось только лицо Сергея Эйзенштейна, его слова на безупречном английском:

— Мы знаем, вы больны. Я настоял, чтобы не было речей.

Пять дней без сознания, чудодейственная новинка — пенициллин, а затем пять месяцев в Москве, поездка в Ленинград, на фронт.

Ольга Берггольц и другие рассказывали ей об ужасах блокады, но вот она сама сидит по освобожденному Ленинграду, она видит девочку, прозрачную, как свеечка, которая каждый день ела только... маленький кусочек свечи. Она ходит дважды в неделю «в гости» к трехлетнему сироте, и он сидит у нее на коленях, и смотрит, не отрываясь, ей в лицо, и она узнает от воспитательницы, что мать мальчика была похожа на нее. Вот образец стиля Хеллман: «Я пришла в госпиталь для тяжелораненых. Пожимала руки, говорила что-то фальшиво-клоунское, что всегда говорят люди, когда сталкиваются с безнадежно больными, когда вдруг в комнату вошел человек. Кажется, ему было 20, кажется, он был блондин, кажется, высок и тонок. Но большая часть его лица была оторвана. У него был один глаз, левая часть носа и совсем не было нижней губы. **Он пытался улыбнуться мне.** Несколько часов потом я испытывала такое волнение, какого не знала никогда...»

Нелегкий, ершистый характер, склонность к сдержанности, самообнои. Зато если прорывается чувство, то это чувство. Есть люди, живущие, например, внутри восклицательных знаков. Или многоточий. Писательница — в вопросах или музыкальных паузах, за которыми скрывается раздумье...

Иностранка, привыкшая к комфорту, налаженному американскому быту: писательский стол со стопками мудрых книг, спокойное свечение абажура, за окном — мягкая масачусетская зима. И вдруг генерала Чернова на 1-м Белорусском. Бинокль к глазам — вот они, немецкие позиции. Кажется, рукой подать. Потрясение: руки резко опускаются. Через мгновение — шквал залпов. Враг заметил, как блеснул окуляр. И на полу в рифпонтовом блиндаже затихла, переживая взрывы, та же иностранка.

Она стремилась в СССР еще в трудном 42-м. Тогда вся Америка была потрясена смелостью людей, которые двум поколениям американцев преподносились, как нация покорных. «Собиралась сделать документальный фильм. И прилетела бы. Но оператор ушел на фронт, а Хеллман не представляла себе работу с другим. Фильм сделала в Голливуде по военной хронике. Тогда же написала сценарий «Северной звезды» — она шла и у нас, и в Америке. Наши зрители знакомы с Хеллман-драматургом: «Осенний сад», «Лисички», в войну — «Стража на Рейне». 1418 дней длилась для нас война. 150 из них провела с нами хрупкая иностранка. Так открывается Хеллман-человек. Прощаясь, генерал Чернов подарил ей коробочку. Внутри — зажигалка из пистолетного дула. Надпись неровными латинскими буквами: «От 1-го Белорусского фронта в знак глубокой памяти о вашем визите. Январь, 1945 год». Обычный подарок фронтовика фронтовику.

О Чарли Чаплине написаны тома, у нас вышла замечательная книга его воспоминаний, читатель мог лично познакомиться с гениальным художником. Он был первым деятелем искусства, который еще в «Диктаторе» показал миру жуткие плоды фашизма, когда иные видели только его всходы. «У Адольфа Гитлера много врагов, но один из злейших его противников — маленький человек, родившийся в одном с ним году: Чарли Чаплин», — писал тогдашний рецензент.

Былое обычно ясно, как черно-белая литография. Но ощутим на миг предвоенные годы. В США орудует разветвленная сеть нацистских агентов. Гитлеровское правительство заигрывает с Америкой, шлет президенту Рузвельту ноты протеста: «Диктатор»-де оскорбил их лучшего чувства. Адеиоид Хинкель — клевета на честных людей». Дом Чаплина напоминает военный форт, вокруг рыскают фашистские террористы. Американские власти привлекают его к суду за... военную пропаганду, но приговор выносит история — вскоре сама Америка уже в состоянии войны. Пряча за прозрачной дипломатией злорадство, политиканы наблюдают, как Советы истекают кровью. Искренность Чаплина — вызов лицемерию. Она покоряет нас в его искусстве, она покоряет и в этом выступлении в Сан-Франциско в 1941-м:

— Товарищи! (Пауза и опять). Товарищи! Да, я не оговорился, именно товарищи! В этом зале, наверное, есть русские, и для меня назвать вас товарищами — высокая честь... Я не коммунист. Я просто человек. И, мне кажется, знаю людей. Коммунисты — такие же люди, как все. Когда они теряют руку или ногу, они страдают так же, как и мы, и умирают так же, как и мы. Мать-коммунистка такая же мать, как любая другая. Когда она получает трагическое сообщение о сыне, она рыдает так же, как любая другая мать. И сейчас русские матери очень много плачут, и очень часто сыновья их погибают... — В притихшей аудитории он продолжал: — Русские — наши союзники. Они сражаются не только за свою жизнь, но и за нашу. И американцы, насколько я их знаю, тоже хотели бы сражаться за себя.

...Тихий весенний вечер. Мы беседуем с Григорием Васильевичем Александровым, автором «Цирка», «Волги-Волги», «Веселых ребят». Через полчаса беседы письменный стол его домашнего кабинета уже завален фотографиями, книгами, рукописями. А из шкафа появляются все новые фото с Чаплиным, статьи о Чаплине, письма — свидетельства многолетней дружбы. Мир отмечает 30 лет победы над фашизмом; Григорий Васильевич видел, как фашизм начинался. Он помнит Германию 29-го года. Помнит, как вместе с Сергеем Эйзенштейном и Штернбергом, немецким режиссером, они впервые увидели Марлен Дитрих — хористку в мюзик-холле «Винтер гарден». Можно сказать, что с того вечера, со встречи со Штернбергом, началась Дитрих, которую мы знаем. Вскоре им пришлось прекратить работу над антивоенным фильмом «Ядовитый газ» — мешали нацисты. Впереди был Голливуд.

— Когда мы приехали в Голливуд, — неторопливо, изредка попыхивая сигарой, рассказывает Александров, — нас встретили, в общем-то, тепло, но там вели свою пропаганду местные нацисты, у которых «фюрером» был некий майор Пиз. Они выпускали свою газетенку, травили нас, в каждом номере «пророчествали» — у кого мы были в гостях, и не скупились на угрозы тем, кто принимал нас. Кое на кого действовало. Чаплина, казалось, только забавляло. Они прислали ему пресловутый «Майн кампф», просили интервью. Чаплин бросил одну фразу: «Гитлер собирается покорить мир — это абсурд. Но то, что он украл мои усы, этого я ему не прощу». Вскоре он уже работал над «Диктатором».

Григорий Васильевич достает из папки телеграмму. У меня не хватает фантазии, чтобы представить, как она дошла до адресата — Александрова. Адрес — Баку, Северо-Кавказский фронт. Отправитель — Чаплин, Соединенные Штаты. Время — 41-й год. Сказались военные нехватки: лента наклеена на газету; условия приема, вероятно, были невежнеские — в тексте ошибки. Через линию фронта, через гром и гул залпов летели эти сигналы: «До глубины души потрясен и восхищен героической борьбой Вашего народа против общего врага».

Марлен Дитрих... Это ее огромные глаза «довели» киношного критика, закончившего восторженную рецензию неожиданным вопросом: «О чем, черт побери, она думает, когда смотрит своим долгим, роскошным взглядом?»

Для фашиста она смотрела трезво и в 1932 году покинула рейх. Ее фильмы были сразу же запрещены, только Гитлер тайно смотрел «Врага рейха» на домашнем экране. И когда уже в Лондоне ей звонил Риббентроп (тогдашний посол в Англии) и, суля золотые горы, триумфальный въезд в Берлин и самого Гитлера во главе встречающих, умолял вернуться в Германию, ее ответ был непреклонен: нет, никогда и ни за что. В 1963 году в Лондоне же вышел документальный фильм «Черная лиса» о возникновении и падении «третьего рейха». Текст в нем читает Дитрих.

Во время войны солдаты, сражающиеся с гитлеровцами в Северной Африке, Сицилии, Италии, Англии, Франции, Бельгии, Чехословакии, на Лабрадоре, в Гренландии, Исландии, могли видеть выступления Дитрих. Часто она давала концерты совсем близко от линии фронта. Слабое здоровье, пневмония... Ее, как и Хеллман, спас пенициллин. Она пела о войне и любви, их несовместимости, и каждая ее песня — законченная новелла, и каждая новелла — законченный шедевр. По предложению отдела пропаганды среди войск противника некоторые свои песни Дитрих записала на немецком и, не имея обыкновения гордиться собой, тут заметила: «Я никогда не была довольна собой. Но, записав эти адаптированные песни, я поверила, что сделала что-то по-настоящему важное».

В освобожденный Париж актриса вошла вместе с де Голлем, ей вручили орден Почетного легиона. Правительство США наградило ее медалью Свободы — высшей наградой, которой удостаиваются гражданские лица.

После одной из встреч с москвичами, горячей, восторженной, она сказала: «Мне кажется, у меня самой русская душа». Многим памятен визит в нашу страну в 1964 году, бурлящий Театр эстрады, тридцать вызовов... «Вернувшись в Лондон, она говорила о России в таких выражениях, — читаем мы в книге Ф. Лесли «Дитрих», — что они могли бы растопить все льды «холодной войны».

Мы рассказали о смелых, честных людях. Их бескомпромиссный вызов врагу прекрасен. Они сразу раскусили фашизм — это зло законченное, стопроцентное. В 1941 году ученый и философ Бертран Рассел сказал: «Всю жизнь я исповедовал пацифизм, но сейчас я впервые убежден в том, что без вооруженной борьбы свободу сохранить нельзя». Справедливая война рождала борцов. И если у каждого был свой путь борьбы, не такой, допустим, как у Хеллман, Чаплина, Дитрих, то все они одинаково видели в нашей стране **главную силу, способную сокрушить фашизм.**

...Умиротворяющая тишина читального зала в «Ленинке». Заботливо перелетные газеты военных лет. Телеграммы друзей. Эрнест Хемингуэй — корреспонденту ТАСС в Нью-Йорке, февраль 1942 года: «24 года дисциплины и труда во имя победы создали вечную славу, имя которой — Красная Армия. Каждый, кто любит свободу, — в неоплатном долгу перед Красной Армией». Индийский писатель Радж Ананд: «Каждый день мы читаем эпическую историю, которую вы пишете своей кровью. Мы уверены в вашей победе над фашизмом. На этом зиждется наша уверенность в будущем».

Их много — горячих, искренних посланий. Под ними знаменитые имена. Я их знаю и люблю по книгам, картинам, музыке. И я заново влюбляюсь в них за то, что они были с нами. Теодор Драйзер, Рокуэлл Кент, Карл Сэндберг, Леопольд Стоковский, Юджин О'Нил, Эрскин Колдуэлл, многие-многие другие американцы. Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Джон Пристли, еще и еще англичане. Немцы — назову хотя бы Томаса Манна, Генриха Манна, Бертольда Брехта, Иоганнеса Бехера. Из далекой Австралии — Катарина Сусанна Причард...

Они были «за нас», когда по моей родной Ахтырке дважды взад и вперед прокатилась война (при последнем освобождении она трижды переходила из рук в руки — стратегически важные подступы к Харькову, — узнала я потом). Они были «за нас», когда от рвущихся бомб вздрагивала моя кукла, бледная в погребном мраке, когда в белостволном сквере через дорогу вздымались до неба черные фонтаны чернозема — кто-то чудовищный открывал и закрывал диафрагму объектива. А в это время в Лондоне...

Небольшой кабинет в современной московской квартире. Ее хозяин Эрнст Генри — публицист, писатель — показывает мне книгу воспоминаний И. Майского, тогдашнего посла в Лондоне. «Неудобно было ходить по улице, — читаем мы на одной странице, — подходили англичанки и целовали руки». «Вы должны знать англичанок, чтобы оценить силу порыва», — улыбается Семен Николаевич (Э. Генри — литературный псевдоним). Перед его глазами прошла история. Он видел штурмовиков на улицах Берлина, видел, как бесчуется рейхсфюрер перед микрофонами. В войну — дымящийся от бомбежек Лондон.

— Позвонил Герберт Уэллс и пригласил на обед, — вспоминает Семен Николаевич. — Домик в викторианском стиле, за обедом — по английским канонам — разговоры о чем угодно, только не о цели приглашения. И уже за кофе знаменитый писатель сказал, что он гордится своими старыми связями с Советской Россией, тем, что видел Ленина. Он выразил восхищение борьбой нашего народа.

Э. Генри получал открытки от Бернарда Шоу. Помнит строку: «Восхищен Сталинградской битвой».

И в это же время в Нью-Йорке... За одним мартовский день 42-го там можно было посмотреть «Мы из Кронштадта», «Депутат Балтики», «Фронтовые подруги», «Последний табор», «Валерий Чкалов», «Петр I», «Профессор Мамлок». На экранах — кинохроника о войне и среди них — «Разгром немцев под Москвой». Известная певица Кэйт Смит (я видела ее уже в 60-е годы, дородная, великолепная, чем-то сама похожая на русскую, признанный «всеамериканский голос») выступает в передачах «Мой брат живет в Сталинграде». Каждую неделю в эфире радиопрограмма «Это наша война». Крупнейший универмаг «Мэйси» в центре города — не объедешь, не обойдешь — специализируется на широтребе, а тут вдруг — распродажа 16-миллиметровых кинофильмов о защите Сталинграда. 19 июля 42-го года 150 оркестрантов Эн-Би-Си под управлением Тосканини исполняют Седьмую симфонию Шостаковича. В середине июня на специальном самолете партитура была доставлена в Лондон, 22 июня ее уже слушали англичане, и вот исполнение в Америке, музыка транслируется по всему миру. Выходит «Лайф» — в нем фото солдат, слушающих знаменитую «Ленинградскую». Самые большие сборы дают голливудские фильмы о России, о войне.

Бросим беглый взгляд на американскую буржуазную прессу тех дней. Листаю «Тайм» за 1941 год, купленные в нью-йоркской лавке старых журналов. У хозяина еженедельника Генри Люса трудное время. Будь его душа владыка, журнальный король дал бы волю своим давним антикоммунистическим страстям. Вот они прорвались на этой странице в номере от 30 июня: «Динозавры вцепились в глотку друг другу». Но в пору, когда симпатии большинства американского народа на нашей стороне, когда правительство президента Франклина Рузвельта выступает за сотрудничество с СССР, «король» приходится менять тон. Так появляется корреспонденция в одну строку: «Одним полднем на прошлой неделе (начало октября. — С. В.) на Москву тихо упала первая снежинка». И вдруг — пронзительное по силе фото жителей Смоленска, снятых в момент боев. Вероятно, его прислала Маргарет Борк-Уайт, известная фотожурналистка. Вместе с мужем Эрскином Колдуэллом она ездила на фронт под Смоленском. Нет, на страницах журнала не видно сообщений о многотысячных митингах в поддержку СССР, проходивших тогда в крупных американских городах. Но сам факт такого фото на страницах «Тайма» — эхо настроений на этих митингах.

Полистаем еще один исторический документ. Дневники Геббельса. С методичной аккуратностью, неотрывным вниманием следит фюрер пропаганды за деятельностью господ люсов. Малейшие нюансы, колебания американской позиции в войне он регистрирует с точностью ЭВМ. Строит на них свои расчеты, выжидает, «конструирует». Читая дневник, особенно остро понимаешь, как путали его карты Чаплин, Хеллман, Дитрих, все те, о ком мы не смогли рассказать. Если бы Чаплину дали автомат, ну самое большое, что он мог сделать, — убить несколько фрицев. Еще скромнее были бы ратные успехи Дитрих или Хеллман. А искусство их покоряло миллионы. И деревянный, механический тон Геббельса меняется, когда он пишет о людях, вооруженных-то всего-навсего пером, песней или смехом. Больше того, он вносит их в список своих злейших врагов. Он мечтал превратить московские фонарные столбы от Белорусского вокзала до Кремля в виселицы и «уготовил на них место Алексею Толстому и мне, это я знаю», — говорил мне Г. В. Александров.

Мы попрощаемся сейчас с военным временем. Последний взгляд: оттуда — в настоящее. В те нелегкие годы зародилось сотрудничество. Его военный этап завершился рукопожатием на Эльбе командиров советского и американского патрулей лейтенанта Сильвашко и лейтенанта Робертсона. Не только долгожданная встреча военных союзников — рукопожатие народов, одинаково чтящих Шекспира, Толстого, Уитмена. Это очень много.

Сквозь послевоенный маккартизм и «холодную войну» прошла память тех лет, когда Хеллман летела на бомбардировщике из Фэрбенкса в Москву, когда Чаплин говорил знаменитое «товарищи!», когда Дитрих записывала «адаптированные» песни. Сотрудничество рождалось в нелегком противоборстве, но победило, и в этом исторический урок.

В наши дни, казалось бы, поддерживать связи легче. От Шереметьева до вашингтонского Далласа 9 часов лета на комфортабельном лайнере. Но и сегодня к сотрудничеству не ведут легкие пути. В совместной борьбе был восстановлен мир на земле. Сейчас нужно его укреплять.

Сегодняшняя разрядка родилась в результате упорной работы Советского государства, других социалистических стран, прогрессивных деятелей на всех континентах. Голос мастеров культуры, поддерживающих это развитие, слышат многие. Так происходит сегодня, так это было и тогда, в те грозные годы они были с нами и вместе с нашей страной радовались победе. Победе — одной на всех...

ДЖОАН БАЭЗ: «Я БУДУ ПРОДОЛЖАТЬ ПЕТЬ, ТО ЕСТЬ ПРОДОЛЖАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ ПОЛИТИКОЙ»

Известная американская певица Джоан Баэз записала в конце 1974 года новую долгоиграющую пластинку «Gracias a la Vida». В переводе с испанского это означает «Спасибо жизни».

В интервью корреспонденту американского журнала «Пипл» Джоан Баэз сказала:

«Эту пластинку я посвящаю памяти Виктора Хары и других чилийских патриотов, замученных в застенках хунты. Коллеги музыканты упрекают меня в том, что я слишком много говорю о политике. Но я не побоюсь повторить еще раз, что музыка политична. Ибо трагедия Виктора Хары — это еще и трагедия музыки, мир потерял талантливейшего артиста. А сколько еще чилийских музыкантов, актеров, художников и писателей ждет та же участь? Да и не только чилийских. И вот, нам еще одно напоминание, чтобы эта трагедия не повторилась, я записала пластинку с песнями Виктора Хары.

Один мой голос — небольшая сила. Но если вместе со мной песни Хары будут петь другие честные певцы, и в том числе американцы, я верю, что мы сможем изменить судьбу чилийских политзаключенных.

У меня растет сын, и теперь я, как никогда, остро понимаю, что забота о нем — это не только забота о его здоровье, это забота о здоровье мира, в котором он живет. Чтобы мне и миллионам других матерей не довелось испытать горя матерей Чили, я буду продолжать петь, то есть продолжать заниматься политикой».